

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

ВЫПУСК 14

МАРТ-АПРЕЛЬ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРОНИКА»
НЬЮ-ЙОРК

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

ВЫПУСК 14

МАРТ-АПРЕЛЬ 1975

ГОД ИЗДАНИЯ — ТРЕТИЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРОНИКА»
НЬЮ-ЙОРК**

**”Хроника защиты прав в СССР” составляется редакцией
издательства ”Хроника пресс”.**

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе.

Редакционная коллегия: Эдвард Клайн

Павел Литвинов

Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

**A Chronicle of Human Rights in USSR
is compiled by the editors of the Khronika Press.**

Editor-in-Chief, Khronika Press: Valery Chalidze

Editorial Board: Edward Kline, New York

Pavel Litvinov, New York

London Correspondent: Peter Reddaway

Copyright © 1975 by KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

Printed by: VALERY CHALIDZE New York, N.Y.

СОДЕРЖАНИЕ

Арестован Андрей Твердохлебов	5
Осужден Анатолий Марченко	8
В защиту Сергея Ковалева	9
Письмо Суперфина	13
Интервью с американским юристом проф. Липсоном	14
В Пермском лагере	24
Краткие сообщения	28
Приложение. А.Твердохлебов. Два обыска и четыре допроса .	31
Указатель имен	52

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Я хочу обратить внимание на то, что в "Хронике защиты прав в СССР" публикуется далеко не полный обзор событий, связанных с проблемой прав человека в СССР: для многого не хватает места, многое становится известным с большим опозданием, многое подробно освещается другими периодическими изданиями.

Благодаря тому, что теперь в Самиздате выходит "Хроника текущих событий" интересующиеся читатели могут получить более подробную информацию. Редакция стремится к тому, чтобы, как правило, московская и ньюйоркская "Хроники" не дублировали друг друга. Из этих соображений, например, в этом выпуске не публикуется обзор дел Марченко, Плюща и Винса — читатели вскоре смогут прочесть об этих делах в "Хронике текущих событий" вып.35, который получен издательством и готовится к печати.

Я обращаюсь к читателям с просьбой содействовать рекламе наших изданий "Хроника текущих событий" и "Хроника защиты прав".

*Главный редактор издательства Хроника
В. Чалидзе.*

АРЕСТОВАН АНДРЕЙ ТВЕРДОХЛЕБОВ

18 апреля в Москве был арестован Андрей Николаевич Твердохлебов, московский физик, известный, как один из учредителей московского Комитета прав человека. С осени 1974 года Андрей Твердохлебов — секретарь советской группы организации "Международная амнистия".

В то же время в Киеве был арестован украинский писатель, член советской группы "Международная амнистия" Микола Руденко. Он вскоре был освобожден, но, как сообщают, при освобождении у него была отобрана подписка о невыезде.

Одновременно в Москве были проведены обыски у председателя советской группы "Международная амнистия" московского физика д-ра Валентина Турчина и у члена этой группы Владимира Альбрехта.

Известно, что на обысках были изъяты документы, связанные с деятельностью "Международной амнистии".

Наблюдатели отмечают, как весьма необычное обстоятельство, тот факт, что об аресте Андрея Твердохлебова сообщило советское агентство печати "Новости"; согласно этому сообщению он обвиняется в распространении клеветнических сведений, порочащих советский строй.

19 апреля Генеральный секретарь "Международной амнистии" Мартин Эннелс направил Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу телеграмму с выражением протеста против преследований членов советской группы "Международной амнистии": Сергея Ковалева, Андрея Твердохлебова и Микола Руденко.

Протесты в связи с арестом Андрея Твердохлебова многочисленны. В Советском союзе в защиту Твердохлебова выступили писатели Лидия Чуковская, Владимир Корнилов, Влади-

мир Войнович, Лев Копелев, ученые Андрей Сахаров Игорь Шафаревич, Александр Лунц, Виталий Рубин, Владимир Слепак и другие. Известно о выступлении Татьяны Ходорович и Мальвы Ланда.

Академик Сахаров 18 апреля сделал следующее заявление:

Арестован секретарь группы "Международной амнистии" в СССР Андрей Твердохлебов, Москва, и член группы Микола Руденко, писатель, Киев. Одновременно произведены обыски у председателя группы "Международной Амнистии" в СССР Валентина Турчина и члена группы Владимира Альбрехта. При обыске изъяты все документы, относящиеся к деятельности "Международной Амнистии". Ранее арестован член группы Сергей Ковалев. Эти действия органов государственной безопасности, направленные против "Международной Амнистии", представляют собой вызов международному общественному мнению и удар по законности, по демократическим и гуманным принципам, которых неизменно придерживается эта организация и члены ее группы в СССР. Во всем мире деятельность "Международной Амнистии" пользуется большим уважением и поддержкой. Тем большее возмущение вызывает преследование ее членов в нашей стране. Необходимы решительные и открытые действия международной общественности.

18 апреля 1975 г.

Андрей Сахаров

21 апреля на имя Николая Подгорного была направлена следующая телеграмма американских ученых:

"Мы, ниже подписавшиеся члены математической и физической секции Национальной Академии наук встревожены арестом теоретического физика Андрея Твердохлебова и призываем к немедленному его освобождению." Подписи: Л.Берс, Р.Ботт, О.Чамберлин, Г.Чу, Г.Фешбах, В.Фитч, М.Гольдбергер, Дж.Хопфилд, М.Кац, Н.Левинсон, М.Морс, П.Смит, Д.Спенсер, Е.Стайн, Дж.Тэйт, С.Траймэн, Г.Уленбек, В.Вайскопф, Е.Вигнер, Дж.Закарайас, О.Зариский.

Известны и другие протесты западных ученых.

Издательство "Хроника" распространило следующее обращение.

Обращение Чалидзе к американским ученым

Арестован советский физик Андрей Твердохлебов. Этот серьезный ученый в 1970 году вместе с Андреем Сахаровым и со мной основал Московский Комитет прав человека и занимался изучением юридической системы СССР и анализом проблемы прав человека в этой стране. После отъезда из СССР физика Цукермана и математика Есенина-Вольпина, после лишения меня советского гражданства Твердохлебов остался последним представителем аналитического направления в советском движении за права человека. Теперь власти совсем подавили это направление, и это показывает, что серьезное и политически немотивированное изучение советской юридической системы они считают не менее опасным для себя, чем даже громкие протесты.

В последний год Твердохлебов стал известен как секретарь советской группы "Международной Амнистии" — гуманный и аполитический характер деятельности этой организации широко известен. Поведение властей позволяет думать, что теперь их репрессии направлены именно против этой группы: были проведены обыски у некоторых членов группы, а еще ранее был арестован биолог Сергей Ковалев, был конфискован архив группы.

Я обращаю внимание американских ученых на тот факт, что речь идет о репрессиях против действительно серьезных ученых которые, несмотря на общественную деятельность и давление властей, продолжали заниматься наукой.

Теперь арестованы Твердохлебов и Ковалев, но под угрозой находятся еще некоторые ученые, в первую очередь председатель советской группы "Международной Амнистии" математик Валентин Турчин и, по-прежнему, Андрей Сахаров. Будут ли власти продолжать репрессии против ученых, не желающих отказываться от необходимого для них свободомыслия, — это зависит от того, сможет ли международное ученое сообщество защитить своих русских коллег теперь, смогут ли западные ученые добиться освобождения Твердохлебова и Ковалева.

Опыт показывает, что с мнением западных ученых советские власти все-таки считаются — слишком важна теперь для

Советского Союза возможность научных контактов с Западом. Я надеюсь, вдохновляющим для ученых явится воспоминание о том, как принципиально и результативно выступил в защиту Андрея Сахарова президент Академии наук США Филипп Хандлер осенью 1973 года.

Многие группы населения в СССР подчинены тотальному идеологическому контролю властей. Разумно помнить, что ученые по роду своей деятельности, по складу своего ума обычно неспособны терпеть насильственные ограничения свободы информационного обмена; поэтому борьба власти против инакомыслия ученых будет продолжаться, и у гонимых советских ученых нет иной защиты, кроме надежды на поддержку международного ученого сообщества.

Уже теперь многие ученые направили советским властям телеграммы протеста по поводу ареста Твердохлебова. Я думаю, что не только протесты, не только призыв к гуманности важны теперь — я думаю, у американского ученого сообщества есть сила требовать освобождения или хотя бы направления за границу арестованных ученых Андрея Твердохлебова и Сергея Ковалева.

20 апреля 1975 г.

Валерий Чалидзе

ОСУЖДЕН АНАТОЛИЙ МАРЧЕНКО

31 марта Калужский городской суд приговорил Анатолия Марченко к четырем годам ссылки по обвинению в нарушении правил административного надзора. Марченко, бывший политзаключенный, известен своими выступлениями в защиту прав человека в СССР; он — автор книги о советских лагерях "Мои показания". Подробный репортаж о суде над Марченко см. Хроника текущих событий, вып.35.

В защиту Марченко на Западе выступили многие писатели и профсоюзные деятели. Президент ассоциации американских издателей Хупс направил в связи с арестом Марченко телеграмму протеста Председателю Комитета по печати Стукалину.

12 апреля в Нью Йорке была проведена демонстрация в защиту Марченко, в которой участвовали Председатель проф-

союза учителей Шенкер, Председатель нью-йоркского комитета прав человека Нортон, Павел Литвинов и другие.

В ЗАЩИТУ КОВАЛЕВА

Доктор физико-математических наук Юрий Гольфанд предал гласности следующее письмо в связи с арестом Ковалева:

27 декабря 1974 года в Москве арестован Сергей Ковалев. Его арест, якобы, связан с изданием в Литве Хроники Литовской Католической Церкви. По моему глубокому убеждению эта связь совершенно формальна. Она возникла только из-за желания КГБ увезти Ковалева из Москвы, подальше от его родных, друзей и всяческой гласности, возможность для которой в Москве неизмеримо большая, чем в любом другом городе Советского Союза.

Сейчас Ковалев находится в следственном изоляторе КГБ в городе Вильнюсе. Его жена, брат и друзья подвергаются допросам и обыскам. Неоднократным допросам подвергается друг Сергея Ковалева, работавший с ним на рыбоводной станции — Валерий Маресин.

О состоянии здоровья Ковалева его жена получает самые неопределенные сведения, которые ей нехотя, в одних и тех же выражениях сообщает следователь, ведущий дело. Но и эти скудные сведения жена Ковалева получает только через месяц, когда приезжает в Вильнюс в разрешенный для передач день. По официальному сообщению следователя деятельность Сергея Ковалева квалифицируется по статье 70 часть 1 УК РСФСР. Это означает, что Сергею Ковалеву грозит наказание до 7 лет лишения свободы и 5 лет ссылки. Таким образом из жизни Сергея Ковалева могут быть начисто вычеркнуты ДВЕНАДЦАТЬ лет! А всем сейчас хорошо известны нечеловеческие условия, в которых находятся узники совести в советских лагерях.

За что же Сергей Ковалев подвергается столь жестоким преследованиям?

Я хорошо знаю Сергея Ковалева. Это человек самых высоких и благородных нравственных убеждений. Он глубоко

уверен в праве каждого человека открыто и прямо высказывать свои мысли, защищать свои убеждения. Он всегда готов выступить против несправедливости, против ущемления прав человека, против беззакония и произвола.

В своей общественной деятельности Сергей Ковалев неизменно руководствуется именно этими высокими принципами, проявляя исключительную доброту и душевную чуткость.

Совершенно естественно, что Сергей Ковалев вошел в Инициативную Группу по защите прав человека с самого начала ее организации — в 1969 году. Эта группа ставит своей целью информировать широкую общественность в Советском Союзе и за рубежом о творящихся беззакониях, о жестоких расправах, которые КГБ обрушивает на людей, чьи высказывания выходят за узкие рамки установленных властью предписаний. Только благодаря деятельности Инициативной Группы стали широко известны "дело" генерала П.Григоренко, процессы Гинзбурга, Галанскова, Буковского, "дело" Мороза и многих других свободомыслящих. Эта гласность открыла невиданные ранее возможности для всех людей доброй воли в Советском Союзе и за рубежом выступать в защиту узников совести.

Менее известной, но не менее важной стороной деятельности Сергея Ковалева является непосредственная помощь конкретным людям — семьям политзаключенных, самим политзаключенным. Благодаря активной настойчивости Ковалева был освобожден Симас Кудирка. Ковалев много помогал верующим, которые преследуются советскими властями за свои религиозные убеждения (пятидесятники, католики Литвы).

В 1974 году Сергей Ковалев вместе с Т.Великановой и Т.Ходорович выступили с заявлением, в котором они взяли на себя ответственность за распространение "Хроники текущих событий". Это был смелый и уникальный в своем роде поступок. В то время КГБ арестовывало все новых людей, у которых обнаруживали Хронику, в то время как это издание было объявлено клеветническим и антисоветским, заявление Ковалева, Великановой и Ходорович сыграло роль разорвавшейся бомбы. Оно явилось прямым протестом против обвинения в клевете, протестом против продолжающихся арестов.

Когда в Москве в 1973 году организовалась советская группа "Международной амнистии", Сергей Ковалев принял активное участие в ее работе. Эта легальная организация, которая во всем мире борется против преследования людей за их убеждения, в наибольшей мере соответствует убеждениям самого Ковалева.

Трудно перечислить в небольшой статье все, что сделано Сергеем Ковалевым доброго и полезного, досконально не известно даже самым близким его друзьям. Ковалев никогда не создавал вокруг себя шума, никогда не стремился как-то выделяться, совершенно не заботился о популярности. Его мужественная деятельность — это единственно возможный для него способ существования, органически вытекающий из его характера и нравственных принципов.

Продуманность и смелость, присущие гуманистической деятельности Сергея Ковалева, характерны и для его научной работы.

Сергей Ковалев — талантливый ученый-биолог. Его работы в области физиологии возбудимых тканей и межклеточных контактов широко известны специалистам во всем мире.

Работы Ковалева по электрофизиологии миокардиальной ткани (1959-1965 гг.) являются пионерскими и представляют большой интерес для кардиологии. Он одним из первых понял роль геометрической структуры, образуемой миокардиальными клетками, в определении целого ряда специфических свойств сердца. Проведя тонкие экспериментальные исследования и основываясь на общей теории разветвленных кабельных структур, Ковалев впервые создал адекватные модели электрической структуры различных отделов миокарда. С помощью этих моделей были выяснены особенности взаимодействия миокардиальных клеток для организации общего сердечного ритма.

Идеи "геометрического" подхода, разработанные Ковалевым на сердце, были применены им к анализу работы нервной клетки. В ряде работ Ковалева (1964-1966 гг.) была сформулирована принципиально новая гипотеза постулирующая возможность логических операций на разветвленных дендритных структурах нейронов. Эти работы имеют большое теорети-

ческое значение для нейрофизиологии.

В работах по электрофизиологии синаптических мембран (1969-1971 гг.) Ковалевым была сформулирована гипотеза "переходных процессов" при работе ионных каналов активированной постсинаптической мембраны. Эта гипотеза получила четкое экспериментальное подтверждение и открыла новые пути к анализу кинетики взаимодействия рецепторов ацетилхолина с медиаторами и специфическими гормонами.

Ковалев одним из первых в мире (с 1966 года) начал разрабатывать новое направление в исследовании межклеточного взаимодействия и его роли в поведении невозбудимых клеточных систем. В этих работах доказана вариабельность контактов между эпителиальными клетками на различных этапах клеточной дифференциации и при злокачественном перерождении. Полученные результаты имеют большое общепроизводственное значение.

В 1969 году Сергей Ковалев в связи со своей деятельностью в Инициативной Группе был вынужден уйти из Московского Университета. После этого он работал на опытной рыбноводной станции. Здесь с группой сотрудников он разработал методы использования химических мутагенов в рыбноводстве для решения селекционных задач. В этих работах впервые были выявлены условия, при которых мутагены оказывают стимулирующее влияние на рост и развитие рыб.

Сергей Ковалев опубликовал более шестидесяти научных работ. Его работы отмечены ярким научным талантом, большой научной смелостью в постановке и решении принципиальных проблем. У Ковалева много последователей и учеников. Его имя хорошо известно среди его коллег биологов, его работы получили мировое признание.

Я считаю преследование Сергея Ковалева величайшей несправедливостью.

Я призываю всю мировую общественность, всех людей, кому дорога честь и свобода, поднять свой голос в защиту Сергея Ковалева.

(Ю. Гольфанд)

ПИСЬМО СУПЕРФИНА*

Читая в конце марта 1974 г., материалы моего "уголовного" дела №27 УКГБ при СМ СССР по Орловской области, я заверил официально руководителя следственной группы капитана Ильина Олега Серафимовича (см. о нем в "Заявлении для прессы" от 15 сентября 1973г. Е.В.Барабанова) в том, что я доведу до сведения общественности некоторые рецензии КГБ на произведения русской литературы.

Рецензия КГБ — это официальные суждения Комитета, которые используются его сотрудниками в деятельности на оперативном, идеологическом и следственном поприщах, и извлечены мною из так называемого "протокола осмотра". Лист 74 ... (неразборчиво) из "протокола осмотра" от 14.10.73 стихотворений О.Э.Мандельштама: "Содержание отдельных из них идеологически не выдержано".

Лист 77 том 11 из "Протокола осмотра" от 14.10.73 "Одного дня Ивана Денисовича" А.И.Солженицына: "Содержание повести идеологически вредное. Автор описывает события, связанные с периодом культа личности Сталина и тенденциозно освещает в событиях одного дня, прожитого заключенными, тяжесть условий, в которых они содержатся. Усиленно подчеркивает мысль о якобы невыносимо жестоком режиме лагеря". Лист 118 ... (неразб.) "протокола осмотра" от 12.10.73 г. "Ракового корпуса" А.И.Солженицына: "Как и другие "произведения" она (так! — Г.С.) написана на "лагерную тему" грубым жаргонным языком. Автор описывает период времени с 1937 по 1954 гг. ..., преувеличивая и выпячивая имевшие место ошибки и недостатки. Он порочит наш общественный и государственный строй, возводит клевету на советскую действительность".

* Озаглавлено "Письмо в Хронику", по-видимому, имеется ввиду московская Хроника. — Ред.

Лист 81 т. 1 из "протокола осмотра" от 8.09.72 "Воспоминаний" Надежды Яковлевны Мандельштам, повествующих " (...) о "гонениях" и "репрессиях", которым якобы подвергались О.Мандельштам и его жена в период культа личности". " (...) в "Воспоминаниях" автор тенденциозно освещает советскую действительность довоенного периода, пытается утверждать, что в то время всяческим репрессиям со стороны партийных и административных органов подвергалась большая часть талантливейшей и прогрессивнейшей интеллигенции, и прежде всего поэты и писатели".

Эти рецензии подписаны сотрудником следственного отдела КГБ при СМ СССР ст. лейтенантом Губинским Александром Георгиевичем (один из участников следствия известного дела №24) и сотрудником УКГБ по Тамбовской обл. лейтенантом Редкозубовым Борисом Гимарзевичем.

Из других протоколов осмотра следует, что безыдейными, малохудожественными и вредными являются произведения М.И. Цветаевой ("Нездешний вечер"), М.А. Булгакова ("Рокотные яйца"), Андрея Белого ("Революция и культура") и др.

С уважением

Г. Суперфин

Интервью с американским юристом проф. Липсоном

Недавно стало известно, что группа американских юристов в течение двух последних лет занималась, по поручению заинтересованных лиц, изучением дел советских заключенных Азерникова, Бутмана, Черноглаза, Дымшица, Федорова, Грилюса, Корнблита, Эдуарда Кузнецова, Маркмана, Иосифа Менделевича, Мурженко, Школьника, Вудки, Ягмана, Сильвы Залмансон, Вульва Залмансона, Израиля Залмансона, Любарского, Пинхасова и Мешенера.

В работе группы участвовали известный американский юрист Телфорд Тейлор, бывший в 1946-47 гг. одним из американских обвинителей на Нюрнбергском процессе; специалист по советскому праву проф. Леон Липсон из Йельского университета; проф. Дершовиц из Харвардского университета; проф. Флетчер из Калифорнийского университета и несколько амери-

канских адвокатов.

Главный редактор издательства Хроника обратился к проф. Липсону с просьбой рассказать о работе этой комиссии. Ниже публикуется запись этой беседы.

Вопрос 1: Стало известно, что группа американских юристов, уполномоченных родственниками некоторых советских заключенных, обратилась к советским властям с целью защиты этих заключенных, используя при этом предусмотренные советским законом процедуры. Насколько мне известно, было много случаев выступлений западных юристов в защиту советских заключенных, но это первый случай использования западными юристами советской юридической процедуры для участия в защите. Расскажите, пожалуйста, об этой попытке.

— Спецификой нашей деятельности являлось выступление по поручению родственников самих заключенных, и мы строго действовали в рамках советского закона, советской Конституции. Во всех нас интересующих случаях приговоры уже вошли в законную силу, т.е. процессы уже давно закончены, приговоры произнесены, возможные кассационные жалобы уже отклонены, и осужденные действительно отбывали сроки наказания.

Мы ставили перед собой задачу, как я уже говорил, в рамках советской процедуры, указать на недостатки, ошибки, пробелы с точки зрения советского процессуального и материального права в этих процессах. Мы не стали оспаривать факты, зафиксированные в приговоре или в определениях, и не стали оспаривать факты, когда сообщение об этих фактах содержалось в показаниях свидетелей; но когда факты в пользу наших подзащитных немотивированно игнорировались судом, мы указывали на это. Во-первых, мы призывали советские власти ко вниманию к их собственным требованиям в советском процессуальном праве. Мы обращали их внимание, насколько было возможно, на такие недостатки, как, например, отсутствие у подсудимых практической возможности пользоваться услугами свободно избранных защитников, на отсутствие в особых случаях должной эффективности и активности действий адвоката: адвокаты во многих случаях вяло защищали клиентов. Мы обращали внимание на крайне поверхностное отношение

судов к показаниям свидетелей. Например, во многих случаях были свидетели, которые, как можно было разумно полагать, располагали весьма важными сведениями по делу, но которых суд произвольно не выслушивал или даже не приглашал. Даже в тех случаях, когда свидетели, допрошенные обвинителем, отрицали то, что они, якобы, сказали в течение предварительного следствия, и противоречили всему тому, что говорили раньше, суд на все это едва ли обращал внимание и никак, по-видимому, не входил подробно в разбор этих противоречий, в каждом случае предпочитая принять как основу приговора то, что, надо полагать, было заключением следователя.

Я говорил уже о действиях адвоката, я говорил об обращении с показаниями свидетелей. Третья общая черта, на наш взгляд, — явно неправильная оценка вопроса об умысле. В некоторых случаях существенным составным элементом состава преступления был политически мотивированный характер умысла, особенно в случаях обвинения по статье, скажем, 190¹ или 70. Заключение об умысле, а также заключения об антисоветском характере соответствующих материалов никогда не были предметом разбирательства в суде, об этой части дела никто не давал ни показаний, ни экспертизы; обсуждения мотивов для такого заключения не было на суде, так что видно, что очень существенную составную часть обвинения никогда не доказывали в суде, что, как мы утверждали, было еще одним существенным нарушением советского процессуального права.

В четвертых, мы обращали внимание на условия содержания заключенных. Во многих случаях, по сведениям, доступным нам и тем более доступным советским властям, эти заключенные находятся или в тюрьме или в лагерях, где уголовники пользуются возможностью для издевательств над заключенными, в том числе те уголовники, которые являются фактически нацистскими заключенными, — ярые антисемиты; большая часть "наших" заключенных, т.е. тех, родственники которых суть наши клиенты, — евреи, их объединяет желание покинуть границы Советского Союза, чтобы переселиться в Израиль: они фактически подвергаются произволу и издевательству со стороны нацистских созаклученных, и это, можно ска-

зять, особенно противно, недопустимо и это унижает достоинство человека, это также противоречит обещаниям и претензиям советского права.

Я перечислил четыре общие черты наших заявлений, сделанных нами от имени наших клиентов — родственников заключенных. У каждого из этих заключенных свои специфические претензии, свои особые жалобы. Их мы отражали в отдельных заявлениях от имени родственников, всегда последовательно ссылаясь на положения советского права.

Мы обратились за помощью к Прокуратуре Советского Союза. Мы настаивали на том, что именно она уполномочена советским правом войти в подробности наших заявлений и просьб, уполномочена осуществлять надзор за законностью действий советских должностных лиц, действий советских судов и за деятельностью советских ИТЛ, и поэтому именно Прокуратура может проверить правоту наших заявлений. К нашим заявлениям мы приложили также данные под присягой показания родственников и свидетелей (во многих случаях). Мы просили советскую прокуратуру об отмене приговоров, о снижении сроков, подчас о переквалификации преступления, о надлежащем изменении условий содержания, и к тому же мы просили, чтобы советские власти, даже если они не согласятся на эти наши просьбы и заявления, мы просили о том, чтобы они расценивали наши заявления как ходатайства о помиловании. Ходатайство о помиловании, согласно советской правовой литературе, могут подать или сами заключенные, или родственники, родные, или любое советское общественное или другое учреждение. И мы просили прокуратуру о том, чтобы в худшем случае наши заявления, как ходатайства о помиловании заключенных были переданы надлежащим инстанциям, именно президиумам верховных советов соответствующих республик. Вот это и является сутью нашей деятельности.

— Вы сказали, что эти заключенные, в основном евреи, которые желали уехать в Израиль, содержатся вместе с осужденными нацистами и подвергаются антисемитским притеснениям. Подразумеваете ли Вы при этом, что в других странах осуществлено или с точки зрения положения международного права следует осуществлять раздельное содержание бывших нацист-

ских преступников и евреев? Есть ли такой принцип или речь о том, что в данном конкретном случае люди подвергаются издевательствам со стороны других заключенных, в том числе, может быть, нацистских преступников?

— Мы не ссылались на общий принцип разделения еврейских заключенных и нацистских или отделения вообще заключенных от нацистских преступников. Кроме того, мы не обращали внимания на расхождения между советской процедурой и требованиями международных принципов. Мы не сравнивали советскую действительность и международные нормы. Это и не являлось нашей целью. Но то, что мы пытались делать, это указывать советским властям на расхождения между действительными условиями в лагерях, во Владимирской тюрьме или в любом другом месте заключения и принципами, провозглашенными в советском законодательстве о целях наказания. Это и было основой наших жалоб по этому поводу.

— То есть не подразумевалось, что в советских лагерях нацистские преступники должны содержаться отдельно от еврейских или других?

— Необязательно, нет. Мы, во-первых, не просили об изоляции нацистских заключенных и, во-вторых, не призывали к устройству особых условий содержания именно еврейских заключенных.

— То есть, говорилось просто о конкретных антисемитских притеснениях, а не о группах заключенных?

— Правильно.

— Использовалось ли то обстоятельство, что некоторые из лиц, за которых вы ходатайствовали, были признаны израильскими гражданами и таким образом по советскому праву, точнее по советской практике, могли рассчитывать на изолированное содержание в лагерях?

— Никогда. Мы действовали не как представители израильского посольства, мы действовали как американские адвокаты, и мы рассматривали заключенных — родственников наших клиентов как советских граждан, осужденных по советскому праву. То обстоятельство, что у некоторых из них было, может быть, двойное гражданство, и советское и израильское, никакой роли не играло в наших рассуждениях. Мы не использо-

вали даже и то обстоятельство, что, оценивая свои собственные умыслы, некоторые из еврейских заключенных считали, что у них никаких антисоветских, предательских или изменнических умыслов не могло быть из-за того, что они не являлись советскими гражданами, ибо считали себя лишь израильскими подданными.

— Вы упомянули о том, что вы использовали как основание своих жалоб, в частности, показания под присягой. Эти показания под присягой были даны в приватной обстановке или в каком-то официальном американском учреждении? Кроме того, на каких еще формальных документах вы основывались?

— В тех случаях, когда мы ссылались на показания, данные под присягой, эти свидетели, т.е. лица, давшие показания, находились в государстве Израиль, и когда давали показания, их присяга и подпись были подтверждены израильским нотариусом, так что мы имели показания с записью присяги и печатью израильского нотариуса — это и предлагалось нами к ходатайству и к заявлению.

— Ваши свидетели были только сами родственники, сами заинтересованные лица или были посторонние?

— Были разные. Большею частью, конечно, родственники, они во многих случаях присутствовали на суде, а во многих случаях они получали письма от самих заключенных из лагеря или тюрьмы. Кроме того, были и другие: созаклученные, впоследствии освобожденные и находящиеся за границей, приятели и друзья, которые присутствовали на суде. В одном случае народный заседатель одного из судов — женщина, впоследствии переселившаяся в Израиль, — Мишиева — показала нам под присягой, что она знала, что возбуждение уголовного дела против заключенного Пинхасова было вызвано лишь тем, что он высказывал желание переселиться в Израиль, и что ей рекомендовали передать совет родственникам, что если только они убедят Пинхасова взять назад свое заявление об эмиграции, то дело будет прекращено, он получит квартиру, трудоустроится и все будет в порядке.

— Это очень интересно. Она участвовала в самом судебном разбирательстве или она была одним из заседателей в этом суде?

— И то и другое: она была одним из заседателей на суде.
— Ее подпись стоит под приговором?
— Да, по-видимому. У нас этого приговора нет, я не видел.
— Но она участвовала в рассмотрении дела?
— Участвовала, и по ее показаниям она отказалась подписать приговор до того, как снизили срок. Я не помню, со скольких на сколько.

— Это очень интересный случай. Все показания, которые вы имели, были из Израиля, и ваша группа не имела возможности подвергнуть свидетелей перекрестному допросу, задавать дополнительные вопросы?

— Правильно. У нас такой возможности не было. Но у нас были юристы, которые поехали в Израиль и опрашивали свидетелей до того, как их показания были официально зафиксированы. Кроме того, у нас есть во всех случаях, конечно, письменные доверенности от имени родственников. И из этих родственников далеко не все находятся за границей. Вот, например, родственники Федорова и Мурженко находятся, кажется, еще в Советском Союзе, и родственники некоторых еврейских заключенных находятся еще в Советском Союзе. У нас не все доверенности из Израиля.

— Ну да, вопрос о доверенностях несомненен. Вы рассказали много интересного о работе этой группы юристов, но вы не сказали, каковы результаты этой работы.

— Результатов мало. Мы имели интервью с Генеральным прокурором СССР г-ном Руденко Романом Андреевичем. Это было в июне прошлого года в Москве. Принимали участие в этом заседании Тейлор и я, со стороны советских властей — Руденко, помощница-переводчица, фамилию которой я не помню, и начальник его канцелярии Роговин Владимир Григорьевич. До этого времени, в апреле 1974 г. Тейлор лично беседовал с г-ном Маляровым, первым заместителем Генерального прокурора, и Маляров выразил согласие на то, чтобы принять наши заявления и ходатайства. Весной 74 г. мы кончили оформление этих документов; мы с Тейлором привезли их в прокуратуру, передали их Роговину. Руденко нам сказал, что он хорошо знает суть этих дел, что все приговоры были справедливы, вполне обоснованны, и никаких изменений не будет. А мы указывали

на то, что, может быть, он по прочтении наших заявлений, просьб и ходатайств примет другое решение, обдумает. Он ошибочно, по-моему, полагал, что все дела, нас интересующие, касались так называемого "самолетного дела" — у него, конечно, довольно твердое мнение об этом деле. Но когда окончилось заседание, оно было около 75 минут, мы оставили документы у Роговина, а потом проверяли неоднократно, рассматривали ли они наши документы и что об этом думали, можем ли мы как-нибудь и чем-нибудь им помочь, предлагая еще другие вопросы и других свидетелей и т.д. Они нам сообщили по телефону через Малярова, что все приговоры, определения и т.д. они оставят без изменения.

— Сколько времени прошло с подачи ваших ходатайств до этого ответа?

— Пять дней.

— Формально, чем являлись ваши ходатайства, как они были озаглавлены? Это была надзорная жалоба?

— Заявление или прошение. Одно заявление по каждому заключенному и в конце каждого заявления мы писали о возможности расценивать заявления как ходатайства о помиловании. К тому же, мы присоединили к этим заявлениям четыре правовых меморандума, трактующих общие или почти общие правовые вопросы для того, чтобы не растянуть содержание каждого отдельного заявления.

Мы прекрасно знаем, что серьезная оценка наших заявлений, просьб, ходатайств потребовала бы гораздо больше времени, чем пять дней. Если они стали бы пересматривать, проверять дела, запрашивать судий, начальников ИТЛ и т.д., то понадобилось бы гораздо больше времени.

— Тем более, что дела обычно хранятся в разных городах.

— Конечно. И об этом откровенно нам сказал Роговин. Он прямо сказал в первый день: для того, чтобы нам дать подробный ответ на ваши заявления, требуется не менее одного месяца, по крайней мере. И, по-моему, это честно, но во всяком случае, Маляров нам дал другой ответ. Но и Руденко и Маляров подчеркивали нам, касаясь ходатайств о помиловании: "Мы не примем ходатайств о помиловании кроме как от самих заключенных".

— Да, это установившаяся практика. И в Президиуме Верховного Совета есть отпечатанные бланки, которые посылают даже родственникам, которые направляют ходатайства о помиловании, и там типографски напечатано, что ходатайства принимаются только от самого заключенного с приложением документов от администрации места заключения. Я сам видел такой бланк, по-моему, именно тогда, когда родственники Галанскова получили такой ответ на свое ходатайство о помиловании Галанскова во время обострения его болезни.

— И это значит еще раз, что авторы монографий по советскому праву отстают от жизни.

— Что произошло с тех пор, как вы получили этот формальный ответ?

— С того времени что случилось? Во-первых, Сильва Залмансон освободилась досрочно. Чем именно вызвано ее освобождение, какие побуждения — политические ли, дипломатические, даже и гуманные ли — мы, конечно, не знаем.

— Если ее освободили, то это уже не так важно.

— Правильно. Но вы спросили о результатах, и я должен защищаться от подозрения, что я хвастаюсь эффективностью нашей деятельности.

— Это я понял. А что касается содержания заключенных — ничего не стало известно об улучшении?

— Нет, я ничего общего не мог бы сказать. Некоторые из них объявили голодовку, добились незначительного улучшения. Некоторые из них переведены из Перми во Владимир. Разве это облегчение? А насчет издевательств от рук нацистов — я ничего содержательного не знаю. Некоторые другие из заключенных, родственников которых мы представляем, теперь уже освободились по отбытию срока.

— Но чисто процедурным результатом является то, что вы все-таки были приняты и ваши жалобы были все-таки приняты.

— Правильно, приняты. Но Маляров высказывал предположение, что наши заявления, просьбы и т.д. не будут обязательно приобщены к делам заключенных.

— Так что неизвестно, признали ли советские власти за вашими документами статус юридических документов.

— Не знаю. Но есть основания сомневаться в этом.

— Быть может, если бы это было озаглавлено "Надзорная жалоба", то поскольку надзорную жалобу может подать любой человек, тогда можно было требовать приобщения к делу. А поскольку это заявления, то советский закон что-то говорит только о заявлениях граждан, подразумевая, по-видимому, советских граждан.

— Правильно.

— Теперь вы продолжаете вашу работу?

— Продолжаем, да. К тому же сейчас мы представляем родственников Фельдмана Александра. О нем не было речи в течение нашего визита, но мы имеем, я бы не сказал — право, но разрешение представлять других, находящихся в соответствующем положении.

Вопрос 2: Среди деятелей советского правозащитного движения ранее неоднократно обсуждались идеи привлечения к участию в политических процессах защитника из-за границы. Советское законодательство предусматривает, что с согласия суда защитником в уголовном деле может быть любое уполномоченное подсудимым лицо, не обязательно член коллегии адвокатов. Как вы оцениваете реальность надежды на то, что в будущем, после, быть может, многих неудачных попыток, советские власти согласятся на участие иностранных защитников в советском уголовном процессе.

— Конечно, из нашего опыта не вытекает прямой ответ на такой вопрос. Но мнение все-таки есть. За исключением одного возможного случая, я не вижу никакой реальности в этих надеждах: по-моему, по крайней мере в политических или других щекотливых процессах, советские власти не допустят зарубежных самостоятельных адвокатов, или в крайнем случае, может быть, они допустят для видимости, как говорят в советском праве, для видимости, присоединяя в качестве помощника каждого зарубежного юриста советского допущенного благонадежного адвоката.

— Благодаря такой видимости можно многое увидеть.

Не больше ли надежд на допуски иностранных адвокатов в тех случаях, когда речь идет об иностранном подсудимом? Есть ли какие-нибудь пути для того, чтобы через соответствующие

правительства или международные организации настаивать на том, чтобы при разбирательстве дела иностранца допускался иностранный адвокат?

— Мало верю. Судя из опыта, не только по делам, как, например, Паулюса, но так же по делу, скажем, Мотта*. Если взять обратный случай, в Соединенных Штатах, вряд ли мы допускали бы зарубежного адвоката без участия американского адвоката к защите даже и зарубежного подсудимого.

— Это я понимаю, что во многих странах такое может быть, но такое недопущение, по-видимому, основано на каком-то законе, между тем никакой советский закон не воспрещает того, чтобы подсудимый пожелал доверить свою защиту иностранцу.

— То, что я могу немножко скорее предвидеть, при благоприятных обстоятельствах, это возможность участия не право-защитника как такового, а консула, именно опытного высококвалифицированного юриста-консула.

— Которому позволят хотя бы встречаться...

— Встречаться с подзащитным и с советским адвокатом и даже и посоветоваться с ним.

— И может быть, даже покажут дело, что совсем маловероятно.

— Может быть, да.

В ПЕРМСКОМ ЛАГЕРЕ

(анонимный текст)

В период голодовки четырех и после смерти Мешканиса, в числе иных Пидгородецкий направил жалобу на медицинское обслуживание по адресу ЦК КПСС, отдел административных органов. 29 октября в лагерь ВС 389/35 прибыла подполковник медслужбы, начальник второго отделения центральной

* Мотт — американец, осужденный в СССР за незаконный переход границы в конце 60-х годов, умер в пути следования к месту заключения.

больницы МВД Горелова А.Н. 30 октября она вызвала Пидгородецкого, затем посетила голодающих, результаты: жалобы признаны необоснованными.

2 декабря в лагерь прибыла группа врачей-консультантов из УВД области (в том числе капитан Садовский из медотдела УИТУ и врач-невропатолог Хижняк), вызванный ими Пидгородецкий, тогда находившийся в больнице по поводу инфаркта миокарда (официально диагностированного как межреберная невралгия), представил факты невыполнения врачами колонии элементарных требований профессионального долга, карательного характера лагерной медицины и прямого вмешательства КГБ в компетенцию врачей. Садовский написал на Пидгородецкого рапорт, где указывалось: "требовал установления ему второй группы инвалидности; клеветал на советскую медицину, что она не спасает больных и не даст лекарств". На основании этого рапорта Пидгородецкий был наказан лишением ларька на один месяц и посылки на один год. 7 февраля лейтенант Чайка составил на Пидгородецкого рапорт, что он положил бушлат на доски, а не повесил на крюк. За это Пидгородецкий наказан лишением ларька на один месяц.

14 февраля за несовершенно нарушение режима водворен на десять суток в ШИЗО Данию, доведенный до отчаяния постоянными систематическими преследованиями, он во второй половине дня совершил попытку самоубийства вскрытием вен, как знак протеста. Не был госпитализирован, помощь была оказана на месте. Содержался в ШИЗО до 24 февраля. Лагерная администрация продолжала ему искусственное создание режимных запретов и, соответственно, нарушений. Так, отныне запрещено нахождение иных эжков в комнате электриков на производстве (хотя это и противоречит интересам производства). 17 февраля за нахождение в электроцехе водворен на десять суток в ШИЗО Ягман и лишен ларька Антонюк.

19 февраля. За отказ от работы лишен льгот инвалид второй группы Пришляк, ранее освобожденный от работы выездным ВТЭКом.

Новое здание лагерного изолятора лагеря ВС 389/35 оснащено подслушивающими устройствами, передающими разговоры эжков для фиксирования и обработки КГБ. В старом здании

эти устройства были установлены на короткое время в камере №5.

20 февраля. За несовершенное режимное нарушение водворен на семь суток в ШИЗО Пронюк. В знак протеста объявил голодовку. Постель дана, только на пятые сутки после активных протестов Ягмана, содержавшегося в соседней камере. Медицинского контроля и принудительных кормлений не было, хотя запах ацетона изо рта с пятых суток. Снял голодовку 27 февраля, выйдя из ШИЗО. 28 февраля утром обратился в медицинскую часть. Соломина отказала в лечении и освобождения от работы: "Могли голодать, можете и работать". Запах ацетона держится до 2 марта.

21 февраля. За отказ от работы в запретной зоне лишен ларька и посылки инвалидов Матузевичюс. На его слова: "Буду жаловаться прокурору" капитан Поляков ответил: "Плевал я на твои жалобы".

26 февраля. За невыход на работу Поляковым лишен свидания Пришляк.

1 марта. Объявил голодовку Давиденко. Причина: лишение ларька за отход от станка на десять минут. Он — язвенник, на март не обеспечен диетпитанием, поэтому отказ от обычной баланды — вынужденная мера.

12 декабря 1974 года на Шахвердяна был составлен рапорт за то, что он шел в столовую вне строя. 13 декабря он водворен в ПКТ на три месяца за систематические нарушения режима и клевету на администрацию. Истинная причина в том, что Шахвердян объявил Кытманову, что будет писать жалобы и заявления только на армянском языке.

Шахвердян и Навасардян практически лишены возможности переписываться, так как их письма цензурятся не менее двух месяцев (по закону — до трех дней), там самым их хотят принудить вести переписку на русском языке.

5 марта признан фальшивым рапорт на Давиденко. Ему возвращен Пименовым ларек. Давиденко снял голодовку.

5 марта у Антонюка тяжелый приступ во время работы. Из-за характера пищи у него постоянные боли, два-три раза в неделю приступы, иногда с потерей сознания. Он по-прежнему не обследован, диеты не получает. Вообще с января 75 года стало

еще труднее получить диету по медицинским показаниям (это подтвердил и врач Ярунин). Значительная часть диеты распределяется среди осведомителей и лиц, участвующих в подпольном изготовлении шахмат для КГБ (официально такое производство не значитсЯ).

6 марта. За отказ от работы в запретной зоне лишен свидания Огурцов. При этом капитан Поляков цинично заявил ему: "Больше посылать вас на эту работу не будем, нет надобности" (цель достигнута!).

2 марта. После шести месяцев вышел из ПКТ Чекалин. Состояние здоровья плохое, похудел, однако уже 3 марта выведен на работу.

8 марта. Однодневной голодовкой 31 з/к выразил свой протест Мазурову о женщинах-политзаключенных.

6 марта. Выступил с лекцией о внешней политике СССР старший преподаватель кафедры философии Пермского политехнического института Зеленин Александр Сергеевич. Лейтмотив: никаких уступок Западу не будет.

В терминальном состоянии находится Михаил Дяк — лимфогранулематоз, легочно-плевритная форма, вторичная хроническая специфическая пневмония, кахексия.

С февраля в больнице Навасардян: тяжелое течение нейродермита, развившееся на фоне нелеченного заболевания желчных путей. Необходимого лечения не получает, так как Ярунин и Соломина не выставили диагноз, а консультации дерматолога до сих пор нет.

С 5 марта восстановилась практика утаивания от з/к уведомлений о вручении их писем. По этому поводу отправлены жалобы.

Продолжается игнорирование запросов з/к о сроках лишения свиданий, все инстанции прокуратуры отказываются письменно дать конкретный ответ. Причина — в том, что с их ведома под давлением КГБ осуществляется незаконное лишение свиданий на 6 и 12 месяцев (общих и личных), хотя согласно ИТК РСФСР предусмотрен только месячный срок исполнения наказания.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

*Международный комитет математиков "в защиту Плюща" объявил день 23 апреля днем защиты Леонида Плюща. В этот день во многих странах были проведены демонстрации с требованием освобождения Плюща. На пресс-конференции международного комитета математиков во Франции Анри Картан сообщил о многочисленных выступлениях в защиту Плюща. На этой пресс-конференции выступил также друг Плюща, недавно эмигрировавший украинский писатель Виктор Некрасов.

Советский математик, член-корреспондент Академии наук СССР Игорь Шафаревич поддержал выступления западных ученых.

Между тем, согласно сообщениям из СССР, Леонид Плющ находится в тяжелом депрессивном состоянии в результате, как полагают, интенсивной хемотерапии. В середине апреля в ответ на жалобу жены Плюща Татьяны Житниковой Прокуратура Украинской ССР назначила новую экспертную комиссию, поставившую новый диагноз: паранойяльная шизофрения. Сообщают также, что Татьяна Житникова и физик Юрий Орлов посетили психиатра профессора Снежневского, который ранее участвовал в экспертной комиссии, поставившей Плющу диагноз "вялотекущая шизофрения". Согласно переданному сообщению, Снежневский обещал содействовать организации еще одной экспертной комиссии.

*В конце марта Московский городской суд приговорил к пяти годам ссылки зубного врача Марка Нашпица и электротехника Бориса Цитленка по ст. 190³ УК РСФСР за их участие в демонстрации в защиту права евреев на выезд в Израиль, проведенной 24 февраля у здания библиотеки им.Ленина.

*Георгий Винс в конце января осужден в Киеве на пять лет лишения свободы и пять лет ссылки с конфискацией имущества. В начале марта кассационный суд оставил приговор в силе, причем, как сообщают, власти скрыли от родственников Винса дату кассационного рассмотрения. Подробнее о суде над Винсом см. Хроника текущих событий, вып.35.

*В марте из Москвы поступило сообщение о том, что Владимир Осипов, арестованный в ноябре прошлого года, переведен из

тюрьмы в институт судебной психиатрии им.Сербского для проведения стационарной психиатрической экспертизы.

*Пресвитер Малоарославской общины пятидесятников (Калужской обл.) Иван Федотов, арестованный 15 августа 1974 г. (см. Хроника защиты 11) в апреле приговорен к трем годам лишения свободы.

*В Пермском лагере №35 политзаключенные Суперфин и Огурцов подвергнуты заключению в помещение камерного типа на три, а по другим сведениям, на четыре месяца. Причина этого наказания — неизвестна.

*Политзаключенный Иван Светличный признан инвалидом третьей группы.

*Согласно некоторым сообщениям тбилисские физики братья Гольдштейны Исая и Григорий, по-прежнему находятся под угрозой судебного преследования: их обвиняют в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй.

*Есть сообщение, что политзаключенный Владимир Балахон, бывший работник Всемирной метеорологической ассоциации, в январе помещен в психиатрическое отделение лагерной больницы в Мордовии и насильно подвергается инъекциям аминазина.

*17-18 апреля в г.Тарусе Калужской обл. на квартире бывшего политзаключенного Александра Гинзбурга сотрудники КГБ провели обыск, на котором были в частности изъяты списки адресов семей политзаключенных, а также медикаменты, предназначенные для передачи политзаключенным. Ранее сообщалось, что Александр Гинзбург содействует Александру Солженицыну в оказании помощи семьям политзаключенных.

*В конце марта стало известно, что Елене Боннэр жене академика Сахарова советские власти отказали в разрешении поехать в Италию для лечения глаз. По сообщениям, поступившим позднее, советские органы здравоохранения мотивировали этот отказ неудовлетворительным состоянием здоровья Елены Бонер. Многие западные ученые выражают беспокойство в связи с продолжающимися притеснениями семьи Сахарова.

*По сообщениям из Москвы власти усилили давление на еврейских ученых — участников неофициального семинара (см. Хро-

ника защиты 10), добиваясь прекращения деятельности семинара. Основатель этого семинара физик Александр Воронель, уже эмигрировавший в Израиль, в апреле посетил Соединенные Штаты и ознакомил американских ученых с деятельностью этого семинара.

*Президент Колумбийского университета д-р Мак Гил заявил о своем нежелании иметь какие-либо контакты с советскими представителями до тех пор пока советские власти не разрешат Виталию Рубину покинуть СССР.

*Физики Александр Левич и Евгений Левич получили разрешение покинуть СССР. Их отец, член-корреспондент АН СССР Вениамин Левич по-прежнему не имеет разрешения на эмиграцию.

*Известный историк, критикующий действия советских властей с марксистских позиций, Рой Медведев, начал издание нового самиздатского журнала "Двадцатый век". Сообщают, что Рой Медведев отклонил требование Московской прокуратуры прекратить издание этого журнала.

*Крымские татары вновь обратились к советскому руководству с просьбой разрешить крымско-татарскому народу вернуться в Крым — это письмо подписано 514-ю крымскими татарами. В письме содержится также протест против преследований тех татар, которые пытались поселиться в Крыму.

*Корреспондент "Вашингтон пост" в статье 11 марта, говоря о выходящей в Москве "Хронике текущих событий" назвал ее "антисоветским бюллетенем", следуя, по-видимому, устоявшейся советской официальной фразеологии. Павел Литвинов в письме, опубликованном в "Вашингтон пост" 9 апреля, выступил с разъяснением характера "Хроники текущих событий" и отметил необоснованность преследований издателей этого журнала по обвинению в антисоветской пропаганде.

*Правительственным распоряжением первый день православной пасхи в этом году — воскресенье 4 мая — был объявлен рабочим днем. В сообщении говорится, что эта мера предпринята в целях успешного выполнения народно-хозяйственного плана.

*Согласно сообщениям западной прессы, эмиграция евреев из СССР весной этого года заметно сократилась по сравнению с весной прошлого года.

ДВА ОБЫСКА И ЧЕТЫРЕ ДОПРОСА *

Интерес к этим процедурам заметно упал (я имею ввиду дела по пресечению информационного обмена). Причины ясны — презумпция добросовестности следователей слишком быстро рушится. Ее невозможно долго удерживать на фундаменте 19-ой статьи Всеобщей декларации прав человека и просто личной порядочности. Допрос становится бессодержательным.

”Ну, что Вы все воду в ступе толчете!”, — заявил мне следователь, теряя терпение, поскольку мои героические усилия держаться презумпции его добросовестности показались ему просто издевательством над ним. И добавил: ”Все равно Вы ничего по существу не отвечаете”. Я ответил, что совершенно с ним согласен по первой части его заявления, что все эти допросы — сплошное толчение воды в ступе, что еще в самом начале допроса я говорил о том же и что прекрасно, когда сама жизнь, в данном случае в форме протокола допроса, наглядно демонстрирует нашу с ним правоту. А в отношении второй части его заявления я посоветовал рассматривать все мои ответы с точки зрения моего заявления о том, что интеллектуальная активность граждан не может быть предметом уголовного преследования. Все мои ответы как раз и выявляют эту самую сущность.

Как себя вести, когда застал соседа прильнувшим к замочной скважине твоей двери? Как быть гражданину, который обязывается законом быть свидетелем вмешательства КГБ в такую область человеческих отношений, которую следует законом оградить от подобных посягательств? Когда берешь соседа за шиворот, благо он стоит удобно нагнувшись, следует придерживаться презумпции невиновности — прежде всего потому, что может оказаться, что он в действительности

*На полученной копии не указана дата. По-видимому, начало 1975 г.

не виноват, и во всяком случае потому, что твой приговор соседу, например, обструкция, будет огражден от обвинения в произволе и, тем самым получит важную нравственную поддержку. Но допустима ли проекция этого принципа в форме презумпции добросовестности деятельности сотрудников КГБ? И к каким результатам может привести этот принцип?

Два обыска и четыре допроса дают скорее отрицательный ответ. Однако, придерживаться принципа презумпции доброй воли окружающих тебя людей, в том числе сотрудников КГБ, — это прежде всего вопрос мировоззрения и только потом вопрос методологии поведения. Так что пусть каждый решает сам и сам делает выводы.

Но вот общезначимая проблема, которая вытекает из моего опыта двух обысков и четырех допросов. — Уголовное преследование как метод ограничения информационного обмена ставит гражданина в такие условия, когда уже невозможно даже при всем желании допускать добросовестность следователей государственной безопасности. А это уже прямая угроза внутренней безопасности государства. Уголовное преследование за информационный обмен должно быть исключено.

Обыск 27-28 ноября 1974 года.

27 ноября, вечер. Выхожу из кинотеатра. Смотрел французский детский детектив "Жил-был полицейский". Более всего понравилась реплика двух американских гангстеров: "Такого еще с нами не случилось!"

На улице меня останавливают майор КГБ Шевчук с помощником и сажают в светлую волгу. (Хорошо, что не в черную. Меня почему-то стало тошнить от обилия черных волг. Может быть, потому, что Волга — символ России?). Привозят прямо к моему дому. Обыск начался в 20 часов 10 минут (см. в приложении протокол обыска от 27 ноября).*

Стоим у входной двери — я не открываю, пока не покажут постановление на обыск. Чекисты уговаривают меня, но довольно вяло (мою личность они изучили). Звонят в дверь — от-

*Здесь текст публикуется без приложений. Заявление А.Твердохлебова об этом обыске и допросах см. "Хроника защиты" 12 — Ред.

крывают соседи. Перед входом в комнату — та же история. До чего же они любят, чтобы любая глупость исполнялась добровольно. Показывают постановление. (Подписано прокурором Литвы, обыск по поручению КГБ при СМ ЛитССР по делу №345). Открываю дверь, входим. Предлагают выдать добровольно. Что выдать — неизвестно, но главное — добровольно. Прошу разъяснить. Следователь Юриков (старший на обыске): Вы же знаете, что нас интересует. Вот Альберта Кузьмича (Шевчука) ведь давно уже знаете”.

Я: ”Как облупленного!” Затем, невольно стараясь сгладить свою резкую реакцию, добавляю: ”Но, впрочем, он знает меня еще лучше”. В итоге выдавать что-либо добровольно, а тем более неизвестно что, отказываюсь.

Начинается собственно обыск. Дело долгое и утомительное. Как всегда, пытаются параллельно провести непроцедурный допрос (наверное, результаты такого допроса особенно ценятся в их внутренней жизни, хотя для следствия и суда никакого значения не имеют). Вот несколько примеров.

1/ ”Андрей Николаевич! Что это такое у вас?” — Разберетесь.

2/ ”Андрей Николаевич! Что это такое?” — следователь Юриков достает из вытащенной у меня из кармана записной книжки негатив одного кадра экспонированной пленки. Смотрит на свет, щурится, крутит так и сяк. ”Что здесь изображено?”

Беру у него негатив, так же смотрю на свет, щурюсь и кручу так и сяк: ”Здесь изображена окружность”. Юриков: ”А в середине ее что? Присмотритесь.” Я: (смотрю, отвечаю) ”А в середине ее светлая тонкая полоса, идущая по диаметру”. Ю: ”Ну, что же это такое?”

Я: ”Окружность, это такая геометрическая фигура...”

Ю (перебивая): ”Что такое окружность — я знаю. Но что это значит, для чего это?”

Я: (наклоняясь к нему ближе и шепотом, доверительно: ”Не берите ее, не надо”.

Юриков резко выпрямляется. Опрос окончен. Окружность заносится в протокол.

3/ ”Андрей Николаевич, фотоаппарат заряжен?”

Я: ”Да уж прямс и не знаю, как Вам ответить. Боюсь обмануть.” Фотоаппарат проверяют в сортире.

4/ Из ящика письменного стола достают деньги. Деньги лежали

в двух кучках. Одна — сколота скрепкой с бумажкой, на которой скорописью (как они пишут в протоколе) имеется текст с фамилиями и адресами. Обе кучки идут на стол, куда кладут изымаемое для занесения в протокол.

Юриков: "Андрей Николаевич, что это за деньги?"

Я: "Советские".

Ю: "Ну, это я вижу. А для чего они?"

Я: "Они обязательны к приему на всей территории Советского Союза".

Ю: "Это ясно. Но тут две кучки. Вот одна — это, ясно, Ваши деньги, мы их вам оставим..."

(уж не пытается ли он всучить мне взятку моими же деньгами?)

Но вот другая, с бумажкой, на которой написано что-то. Для чего, вот они?"

Я: "Но там же написано..."

(Юриков весь напрягся от внимания)

Обязательны к приему на всей территории СССР".

Юриков резко сдвигает все деньги в одну общую кучку. Очередной опрос окончен. Часа через два я жалуюсь пришедшим поболеть за меня друзьям "Деньги-то тью-тю. А до полочки еще ой как не скоро". От стола отделяется сотрудник ГБ и приносит мне деньги. Все. "Вот ваши деньги. А бумажку-то мы возьмем". Эта бумажка в качестве "документа-записи" будет обсуждаться на допросе 24 и 25 декабря.

Другой важный момент связан с появлением на обыске посторонних (для ГБ) лиц — моих друзей. По закону их можно обыскивать. На практике это несколько затруднительно в отношении пришедших женщин. Как правило, сотрудники ГБ — лица мужского пола, а обыскивать женщин могут только женщины. Часто один их понятых — женщина. Ее чекисты используют для обыска женщин, отказывающихся добровольно продемонстрировать содержимое карманов и сумочки. Использовать понятую с этой целью нельзя по закону. Но тому, вернее той, кто на это резко укажет, следует помнить: чекисты вызовут женский наряд из ближайшего отделения милиции и тогда уже обыск будет очень жестоким и внешне унижительным. Та-

кой оборот событий оправдан, хотя и не обеляет чекистов — тот, кто защищает закон, должен на деле доказывать, что эта ценность для него выше других.

Все уже перерыто, пересмотрено. Все, что им нужно, лежит на столе. Кое-что оставлено на всякий случай — вдруг понадобится сделать еще один обыск. И если не будет вдоволь пунктов "Машинописный текст, начинающийся словами...", то выйдет накладка, смехотворный протокол. Юриков заполняет протокол. Это долго, нудно, а уже утро. Естественно возникает дискуссия по проблемам прав человека и деятельности ГБ. Я отмечаю, что обыск завершается интересным семинаром. И оказываюсь неправ. Весь диспут завершился обменом двумя репликами, точно выявившими предмет спора и всю бессмысленность обсуждения высоких материй с сотрудниками ГБ: Майор КГБ А.К.Шевчук: "Мы же не вмешиваемся в вашу физику. Что бы вы сказали, если бы мы стали вас учить, как вам ею заниматься?"

Член-корреспондент АН АрмССР Ю.Орлов: "Но мы никого не сажаем. Перестаньте арестовывать людей и никто не станет вмешиваться в ваши дела".

Обыск закончен в 6 часов 45 минут 28 ноября. Дополнительно об обыске смотри в приложении "Заявление об обыске 27-28 ноября".

7 часов утра 23 декабря

Просыпаюсь от резкого звонка в дверь. Сердце мое "екает" и не обманывает — опять чекисты и опять с обыском. Обыск идет до 13 часов 30 минут (смотри в приложении протокол обыска). На этот раз никто из друзей не пришел. (Приходить, собственно, было некому — в Москве одновременно проходили обыски в пяти местах). Ничего интересного тоже не было. Разве что характерная для чекистов попытка Шевчука (разумеется, он-то уж был) перейти на "ты". Когда я достал очередную сигарету, он протянул мне зажигалку, говоря "Прикури..." Я отказался. Он спросил, почему. Я ответил, что главным образом потому, что мне не нравится его обращение на "ты". "Конечно, — заметил я, — оснований перейти нам на "ты" гораздо больше, чем мне хотелось бы, но ведь Вы при исполне-

нии служебного долга". Он не возражал.

После обыска говорят — "Одевайтесь, поедете с нами". — "Куда?" — "В Лефортово". — "Зачем?" — Там узнаете".

Одеваюсь, беру все необходимое, затем встаю у двери и предлагаю применить силу, поскольку добровольно, по просьбе органов, идти с ними беседовать не намерен. После вялых препирательств выписывают повестку на допрос в качестве свидетеля.

Приехали. Следователь Харитонов. Начинает разговор с соответствующих статей УПК и УК, дает оба кодекса для ознакомления. Открываю, пробую читать, но тут меня охватывает такая тоска, что тут же закрываю обе эти полезные книги. Вспоминаю, что ничего не ел с утра, кроме чашки кофе и куска хлеба. Жалуюсь, что голоден и хочу обедать. Слегка подозревает, не обманываю ли я его. Звонит кому-то, чего-то спрашивает. Выясняет у меня некоторые подробности, т.е. действительно ли у меня дома нечего было есть и т.п. В итоге отпускает обедать в сопровождении сотрудника, что был у меня на обыске. Обедаем в соседней студенческой столовой. Возвращаемся.

Спрашивает, хорошо ли пообедал, и вообще ждет, чтобы я отметил хорошее отношение ко мне. "Вот, — говорит, — а Вы между собой как только нас не называете". — "Как?", — спрашиваю. — "Ну, гебисты, что-ли". — "Так что же здесь обидного, — говорю, — "чекисты — гебисты. Вот и в кино и всюду "чекисты". Он задумался. — "Но все же это не то". — "Подождите, — говорю — пройдет лет 10-20 и будут уже с гордостью говорить "гебист". Не все сразу."

Начинается допрос. Сначала устная беседа о "Хронике католической Церкви Литвы". Не знаю ли я такой, что могу сообщить. Говорю, что слышал. — Откуда? — Общеизвестный факт. Удивляюсь, почему спрашивает об этом меня. Говорит, потому, что на обыске у меня изъяты три брошюры этой Хроники на английском языке. Я тут же начинаю возмущаться и говорю, что хочу предварить допрос заявлением по этому поводу. К счастью, он настойчиво возражает (я сам еще толком не знал, что я собираюсь писать) и подкупает меня предложением начать допрос по вопросам: "вопрос" — "ответ" в письменном виде. Я соглашаюсь.

Первый вопрос — что я могу сообщить о причине моего вызова на допрос. Долго формулирую ответ. Для упорядочения мыслей записываю его предварительно на бумажке, редактирую и диктую окончательный ответ (в дальнейшем поступаю так при всех ответах на все протокольные вопросы) :

”Мне ничего неизвестно об обстоятельствах, связанных с моим вызовом на допрос, кроме единственного — непосредственно перед вызовом на допрос у меня был произведен обыск по поручению КГБ при СМ ЛитССР”. Ему ответ не нравится, считает, что я трусливо скрываю известную мне причину — ”Хронику католической Церкви Литвы”. Ссылается на предварительную беседу. Я говорю, что это неправомерно, тем более, что этот протокол уйдет в Литву и по нему все должно быть ясно и т.п. Этот аргумент его сразу убедил. Он больше не возражает.

Переходит к следующему вопросу и к следующей странице протокола — первая кончилась. Я прошу дать мне прочитать первую страницу и замечаю, что после слов ”допрашивается в качестве свидетеля по уголовному делу” имеется пропуск целой строки, а ниже и сбоку уже идет моя фамилия и паспортные данные.

Испуганно говорю: ”А-а... Вы даже не написали по какому уголовному делу я допрашиваюсь...” И меняя тон на великодушный, добавляю: ”Ну, ладно”. Он прямо-таки подсакивает в кресле. ”Ну, ладно? — тоже мне начальство какое нашлось”. Но спорить-то ему даже не о чем. Мое ”ну, ладно” — это ведь согласие, а не возражение. Успокаивается и диктует напечатанный на следующей странице вопрос:

”Вам предлагается сообщить все известное Вам о так называемое ”Хронике католической Церкви Литвы”.

Та же долгая процедура составления ответа. Он деланно доволен. ”Ну, вот, мне и думать ни о чем не надо. Сиди себе, да печатай под диктовку. Прекрасно.” Я тоже порадовался с ним и продолжаю составлять ответ.

”Мне ничего не известно об обстоятельствах, могущих иметь касательство к уголовному делу по так называемой ”Хронике католической Церкви Литвы”.

Ему опять не нравится ответ. Но, оставив спор по существу

ответа, он отмечает мой плохой стиль. "Что это и в первом ответе "об обстоятельствах" и во втором "об обстоятельствах" — нехорошо". Я с ним соглашаюсь, благодарю и изменяю ответ. "Мне неизвестно ничего, что может иметь касательство к уголовному делу по, так называемой, "Хронике католической Церкви Литвы".

Теперь начинается долгий спор по существу ответа. Он утверждает, что я фактически отказываюсь отвечать и не хочу об этом прямо заявить. Я иду навстречу и дополняю ответ.

"На вопрос, что вообще мне известно о названной Вами "Хронике католической Церкви Литвы", отказываюсь отвечать".

Он становится более доброжелательным и говорит, что если я зыкину первую часть ответа, то все уже будет хорошо. "А первую часть можно записать, — предлагает он, — "в качестве мотивировки отказа". Мы долго спорим. Я утверждаю, что первая часть очень существенна для следствия. Что негативная информация — что такое-то лицо ничего не знает о том-то — на самом деле позитивна для следствия и т.д. Долгий экскурс в криминалистику. Мне все это не нравится и я заявляю, что выкидываю вторую часть ответа, написанную для его успокоения, и оставляю только первую, существенную для следствия. Тут он бросает неосторожную фразу: "Не буду я заносить в протокол всякую чушь" или что-то в этом роде. "Воля Ваша", — говорю я.

Переходит к следующему вопросу, но он уже не печатает на машинке, а пишет сбоку на бумажке, как и я. А что пишет — мне неизвестно.

Следующий вопрос: "Знаете ли Вы о том, что "Хроника католической Церкви Литвы" распространяется на территории Советского Союза?"

Опять думаю над вопросом. Он пытается мешать: "Что я Вам — машинистка, что ли. Так можно составить список вопросов, дать их машинистке и следователь тогда не нужен". Я с большим интересом вхожу в обсуждение этой темы, говорю, что он не прав, что важны не только вопросы, но и изменение их и изменение порядка их следования. "Вы согласны с этим?" — спрашиваю. Он согласен. Экскурс в криминалистику закончен и я возвращаюсь к ответу.

Ответ: "Отказываюсь отвечать на этот вопрос, предвидя отказ следователя занести мой ответ в протокол, как он сделал это с моим ответом на его второй вопрос".

Он возмущен вообще, а в частности замечает "Откуда Вы знаете, что я занесу в протокол, а что нет?" Я соглашаюсь, что он прав, и поблагодарив (это непременно), меняю ответ:

"Отказываюсь отвечать на этот вопрос поскольку я имею основания считать, что мой ответ на этот вопрос не будет занесен следователем в протокол, так же как и ответ на второй вопрос."

Он сохраняет невозмутимое спокойствие. И без обсуждения — следующий вопрос.

"Есть ли у Вас знакомые, проживающие в Литовской ССР?"

Мой ответ такой же, как и предыдущий с удлинением окончания: "...так же как и ответы на второй и третий вопросы".

Следующий вопрос: "Бывали ли Вы на территории Литовской ССР?"

"... так же как и ответы на второй, третий и четвертый вопросы".

Вопрос: "Намерены ли Вы отвечать по существу на поставленные вопросы?"

Ответ: "Я намерен отвечать по существу на все поставленные мне вопросы, как только отпадут основания считать, что следователь не намерен точно заносить мои ответы в протокол. Отмечу, что эти основания у меня появились после ответа на второй вопрос — мой ответ на второй вопрос следователь рассматривал как недопустимый для протокола. Считаю уместным повторить мой второй ответ: "Мне ничего не известно об обстоятельствах, могущих иметь касательство к уголовному делу по так называемой "Хронике католической Церкви Литвы". Считаю этот ответ ответом по существу".

Он дико недоволен и высказывает какую-то (не помню уж какую) претензию ко мне, дескать, какой же я капризный недотрога. Тут я тоже возмутился и говорю: "А что же это Вы думаете? Два обыска и допрос — и все совершенная липа, по совершенно дутым поводам". — "А что же это, теперь и обыски у Вас нельзя проводить?" — "Да уж воля Ваша, но только ко мне претензии по этому поводу предъявлять нечего. И вообще, я

собираюсь сделать заявление в протокол допроса”. — “Какое?” — “Сейчас будет”.

Долго думаю. Он молчит и не мешает. Заявление готово. Читаю.

“Заявление к протоколу допроса. Я протестую против метода допроса меня в качестве свидетеля по уголовному делу, проводимому следователем КГБ при СМ СССР Харитоновым. Мои ответы на вопросы следователь считает ответами не по существу. Я считаю свои ответы ответами по существу. Сам факт такого разногласия — не беда и не по этому поводу я заявляю протест. Протест я заявляю в связи с тем, что начиная с первого вопроса допрос следователем Харитоновым ведется следующим образом:

Он задает мне вопрос. Мой ответ его не удовлетворяет. После этого он затевает со мной спор о моем ответе и отдельные, устно сказанные мною слова произвольным образом заносит в качестве моего ответа.

Меня беспокоит, что несмотря на мой отказ подписать такой фальсифицированный протокол следователь Харитонов будет уверять, что записанные им в качестве ответов мои отдельные, произвольно сказанные слова и являются ответом на поставленные вопросы. Это обстоятельство, хотя и не имеет процедурного значения для суда, тем не менее может сбить с толку следователей Литовского КГБ по поручению которых и ведется допрос.

Я заявляю протест против такого метода ведения допроса.

23 декабря 1974 года, 18 часов 30 мин. А.Твердохлебов.”

После слов “не беда” Харитонов не выдерживает и повторяет “Не беда?” Я тоже повторяю “Не беда” и читаю дальше.

После зачтения протеста он спрашивает: “Ну и как же мы будем дальше?” — “А дальше, — говорю, — мы будем так. Я заново свое заявление в протокол, а потом мы начнем допрос с самого начала.” Он снова затевает дискуссию и я вижу, как он что-то опять записывает себе на бумажку. Тут я вообще перестаю что-либо говорить.

Между прочит, уже совсем поздно. Пора кончать допрос. Он так и делает. Перепечатывает что-то со своей бумажки в протокол допроса и несет мне. Я мельком гляжу и даже не читаю,

что же это он там написал. Собственноручно вношу свое заявление.

Несостоявшийся допрос окончен. Харитонов выписывает мне повестку на следующее утро 24 декабря, на 10 часов утра. **Допрос 24 декабря.**

Харитонов печатает на машинке шапку протокола. Я спрашиваю разрешения заглянуть, что именно он печатает. Оказывается, теперь я "допрашиваюсь в качестве свидетеля" и далее пропуск больше прежнего как раз на длину слов "по уголовному делу". Занудно тяну: "А-а-а... Вы опять не написали, по какому делу я допрашиваюсь. Знаете, как бывает? Допрашивается человек в качестве свидетеля, а потом он оказывается обвиняемым". Харитонов (сердито): "Приведите факт".

Я: "Зачем приводить факт? Не хочу приводить".

Х: "Нечего тогда голословно утверждать".

Я (жестко): "Я ничего не утверждаю голословно".

На этом беседа обрывается и далее идет очень формальный допрос, почти без устного обсуждения. Привожу почти дословно с краткими пояснениями.

Вопрос 1: (Харитонов вопросы не нумерует): "21-28 ноября 1974 года во время обыска, произведенного в Вашей квартире были изъяты три брошюры на иностранном языке, озаглавленные соответственно: 1/ "Христос за проволокой", Хроника католической Церкви Литвы, №5, 1973 год; 2/ "Из глубины", Хроника...№6, 1973г; 3/ "Из катакомб", Хроника...№4 1972г.* Что Вы можете сообщить по поводу этих брошюр?"

Ответ 1: "По поводу предъявленных мне трех вышеуказанных брошюр в соответствии и в уточнение моих ответов на допросе 23 декабря 1974 г.** должен сообщить следующее: Эти брошюры прошлых лет оказались у меня не случайно, а в связи с моим интересом к проблеме гласной информации о правах человека, в частности о преследовании религии. Никакого отношения к уголовному делу №345 (номер я узнал из постановления о производстве у меня обысков***), возбужденному Литовс-

*Названия брошюр вписаны им от руки по-английски.

**Мне захотелось напомнить в этом протоколе о существовании вчерашнего протокола.

***Указание в скобках, откуда я узнал номер дела, сделано по просьбе Харитонova.

ким КГБ, данные брошюры издания Американской лиги литовских римско-католических священников не имеют.”

Вопрос 2: “Как к вам попали эти брошюры?”

Ответ 2: “Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Готов пояснить свои затруднения.”

Вопрос 3: “Чем же вызваны эти затруднения?”

Ответ 3: “Эти затруднения вызваны тем, что я до сих пор не уяснил себе точно, по какому делу я являюсь свидетелем. В связи с этим, по устной просьбе следователя, сообщаю о том, что Верховный Суд совсем недавно отменил приговор на основании нарушения прав на защиту, поскольку в рассмотренном им уголовном деле использовались показания обвиняемого, взятые у него в качестве свидетеля”.

“При чем тут по просьбе следователя?” — возмутился Харитонов.

Я напомнил: “А Вы же ведь просили меня не быть голословным и привести факт”. Он не спорил, спросил только какой именно Верховный Суд и когда. Я ответил, что точно не помню, но хоть завтра готов принести ссылку. (См. “Бюллетень Верховного Суда РСФСР №4 1974 год”).

Вопрос 4: “Вам еще раз* разъясняется, что Вы допрашиваетесь в качестве свидетеля по уголовному делу, возбужденному КГБ при СМ Лит ССР по фактам нелегального изготовления и распространения так называемой “Хроники католической Церкви Литвы”. Следовательно, основания, в связи с которыми Вы затруднялись ответить на поставленный выше вопрос отпадают. Можете ли Вы теперь пояснить, от кого Вы получили вышеуказанные брошюры?”

Ответ 4: “Замечу, что во вчерашнем допросе следователь возражал против содержащегося в моих ответах указания о том, что я отвечаю на вопросы по уголовному делу, возбужденному по “Хронике католической Церкви Литвы” (см. мое Заявление к протоколу допроса 23 декабря)** . В связи с этим, прежде

*Словами “еще раз” он пытается представить мои вчерашние претензии необоснованными.

**Следовало внести ясность в его “еще раз” и напомнить о существовании Заявления к протоколу 23 декабря.

чем отвечать на поставленный вопрос по существу, прошу* внести во вступительную часть протокола указание о том, что я допрашиваюсь в качестве свидетеля по разъясненному мне выше уголовному делу. По существу вопроса отвечаю следующее. Что касается изъятых у меня при обыске брошюр издания Американской Лиги литовских римско-католических священников, то я уверен в легальности этого издания. Поэтому я отказываюсь отвечать на этот вопрос как на не относящийся к разъясненному мне уголовному делу”.

Харитонов: ”Где легально? За границей?”.

Я: ”Ну, да. Где издано”.

Теперь хочет есть Харитонов и объявляет перерыв на обед (13 час. 30 мин.) Допрос возобновляется в 14 час. 30 мин.

Вопрос 5: ”Что дает Вам основания судить об отсутствии связи между указанными брошюрами и ”Хроникой католической церкви Литвы”? Ведь в данных брошюрах излагается содержание №№4,5 и 6 выпусков названной ”Хроники”.

Вопрос, что надо. Харитонов неплохо отобедал. Вопросу, правда, нехватает некоторой легкости для совершенства, он несколько тяжеловесен, но зато не без ехидства и даже не без пародии на мои формулировки. Я впервые задумался. Однако, черт подери, мое дело правое. Надо только немного подумать и будет ответ. А если он не понравится Харитонову, так он же мне и поможет подправить ответ, как это уже было не раз.

Ответ 5: ”К сожалению, я не читал выпусков названной ”Хроники”. Полагаю, однако, что таковая существует, как и связь ее содержания с содержанием данных брошюр (№№4,5 и 6) **.

Дополняю ответ. Зарубежное издание каких бы то ни было материалов, так или иначе опубликованных в Советском Союзе, не может, на мой взгляд, являться предметом возбуждения уголовного дела советскими органами дознания. Мне бы не

*В первоначальном варианте было ”прошу, хотя и не настаиваю”, но по его просьбе оставляю только ”прошу”. Он же мою просьбу не удовлетворил.

**Первоначально я этим и ограничился. Возникла небольшая дискуссия. Он убедил меня в необходимости дополнить ответ. Первоначально далее следовало: ”По просьбе следователя дополняю ответ”. Он попросил меня убрать ”по просьбе следователя”. Я согласился и на это.

хстелось участвовать в создании такого прецедента. По вопросу о том, как попала в издательство Американской Лиги литовских римско-католических священников названная "Хроника", я ничего сообщить не могу.* По вопросу о распространении на территории Советского Союза изъятых у меня брошюр я предпочел бы отвечать в ответе на соответствующий вопрос**.

Вопрос 6: "Давали ли Вы знакомиться с указанными брошюрами кому-либо из Ваших знакомых?"

Похоже, что от напряжения он забыл, что ранее вопрос-то был совсем другой. А жаль — протокол многое от этого потерял. Думаю, что по крайней мере целую страницу моего текста.

Ответ 6: "Я не давал, насколько помню, эти брошюры никому из моих знакомых. Впрочем, они открыто стояли на полке и кто-либо в принципе мог их видеть.

Вопрос 6: "Вам предъявляются следующие машинописные документы, изъятые на обыске (перечисляются шесть текстов), в которых изложены различные сведения, относящиеся к Литве (я плохо помню точную формулировку этого и следующего вопросов — устал — А.Т.). С какой целью Вы их хранили, кто их Вам передал, кем исполнены в некоторых из них рукописные правки и дописки, давали ли Вы эти документы кому-либо из Ваших знакомых?"

*Презумпция доброй воли следователя уже вступила в явное противоречие со ст.19 Всеобщей декларации прав человека о свободе информации. К стыду своему, я на самом деле почти забыл о принципе свободы информации, увлекшись внутренней логикой этого интересного допроса. Харитонов оказался более деликатным в этом вопросе — не случайно он просил меня снять слова "по просьбе следователя". Тем более стыдно. Однако, нет худа без добра — изложенные в преамбуле этого текста утверждения получили наглядное доказательство.

**Похоже, что это можно назвать наводящим ответом. Следователю приходится выбирать — либо задавать вопрос, уже совершенно очевидно не относящийся к делу и к тому же просто неприличный, либо отказываться от общего принципа своего ведомства выяснять все, что только можно и, тем более, когда эти сведения даются добровольно. Он пытается уйти от этого выбора и советует: "Ну, если говорите, что хотите что-то сообщить, то сообщайте". Но здесь я неумолим: "Я выразил только готовность отвечать. Но если это Вас не интересует, то не буду. Задавайте вопрос, если хотите".

Я прошу ознакомить меня с документами. Внимательно читаю и к своему стыду выясняю, что даже о существовании некоторых из них забыл совершенно. Отчасти меня извиняет давность изложенных в них сведений.

Ответ 7: "Все предъявленные документы для ответов на вопросы о них относятся ко времени 1971 года и ранее. Хранил их в связи с моим давним интересом к проблеме прав человека. Когда, от кого они ко мне попали и при каких обстоятельствах* — не помню совершенно. Кем исполнены в некоторых из них рукописные правки и дописки — не знаю. Почти наверняка с этими документами я никого не знакомил, вряд ли бы я тогда забыл о том, как они ко мне попали и вообще, что они существуют у меня.

Опять уже вечер. Харитонов спешит закончить.

Вопрос 8: Вопрос этот помню совсем плохо. Идет перечень рукописных документов, изъятых у меня на обыске (среди них та бумажка, что была подколото к деньгам — см. описание обыска 27-28 ноября), и вопросы: кому принадлежат, кем написаны, как оказались у меня и с какой целью хранились.

Прошу ознакомить меня с ними и опять-таки долго изучаю.

Ответ 8: "Эти записи, содержащие главным образом фамилии и адреса, — мои. На вопросы, кем они написаны и с какой целью хранились, — отказываюсь отвечать".

Вопрос 9: "Почему?"

Ответ 9: "Ни цель написания этих записей, ни цель их хранения не имеют отношения к названной выше "Хронике католической Церкви Литвы".

Уже совсем поздно. Допрос окончен. Замечаний нет. При подписании протокола по просьбе следователя вписываю фразу, что все мои ответы по моей просьбе записаны дословно.

Следователь выписывает мне повестку на завтра, на 10 часов утра.

Допрос 25 декабря.

Вопрос 1: "Вы отказались отвечать вчера на вопрос о документах-записях, изъятых у Вас на обыске, мотивируя это тем, что

*По поводу слов "когда, от кого и при каких обстоятельствах" Харитонов меня похвалил: "Вот же, можете отвечать четко и как следует".

они не имеют отношения к "Хронике католической Церкви Литвы". Вы показали на допросе 24 декабря, что не читали этой "Хроники". Какие же у Вас есть основания считать, что изъятые у Вас документы-записи не находятся в связи с этой "Хроникой"?"

Ответ 1: "Таким основанием является известная мне цель хранения этих моих документов-записей*. Дополнительное основание — в этих записях нет ни слова о религиозных преследованиях литовской католической Церкви. Если эти основания кажутся неубедительными, то я готов не протокольно сообщить цель хранения этих записей. Надеюсь, что после этого со мной согласятся, что давать какие-либо показания по этим записям (протокольно или непротокольно), вообще говоря, непустимо."

Не успел Харитонов перепечатать и половину моего ответа, как зазвонил телефон, и он, пригласив другого сотрудника, вышел куда-то. Вернулся озабоченный и сказал, что допрос придется прервать. Я сказал: "Сожалею". Он: "Я тоже сожалею".

При подписании протокола я внес замечание: "Считаю допрос незаконченным". Фраза о том, что ответы занесены дословно по моей личной просьбе опять завершила протокол.

Повестка пришла по почте, на бланке УКГБ г.Владимира и Владимирской области. Мои предположения, что этот допрос — по делу Владимира Осипова оправдались.

Начало допроса. Мои данные — диктую из паспорта год рождения, номер паспорта, прописан в Лялином переулке д.12 кв.1, холост и т.п. Предупреждение об ответственности. Далее все как у них положено — устный опрос, следователь Чупров делает пометки на отдельной бумажке. Я, несмотря на прошлый опыт, не настаиваю на том, чтобы сразу перейти к протоколу по принципу: "Вы заносите вопрос — я диктую ответ".

*Следующее далее дополнительное основание и повторение, как и 24 декабря, "наводящего ответа" в более неудобной для следователя форме я сделал после навязанной мне дискуссии о том, что моя первая часть ответа неубедительна.

Похоже, что ничто не в силах заставить меня отказаться от презумпции доброй воли собеседника, в каком бы качестве от не выступал.

Давно ли познакомились с Осиповым? — Давно, точно не помню когда и где. По-видимому, вначале были случайные встречи, а потом уж встречались именно друг с другом.

— О чем беседовали?

Я переспрашиваю и следовательно уточняет: "Имели ли Ваши беседы отношение к издаваемому Осиповым журналу "Вече"?"

— Разумеется, имели.

— Расскажите о содержании Ваших бесед.

— Мы обсуждали проблемы русской культуры, христианства, будущего России — это как раз те вопросы, которые обсуждал журнал "Вече", так что наши беседы имели прямое отношение к изданию журнала.

На этот раз я забыл о ст.18 Декларации, о праве человека на убеждения. Давать показания службе безопасности по вопросам, связанным с убеждениями человека, — значит уже отступать от принципа свободы убеждений. Но, может быть, следователь меня поправит?

Нет. Наоборот, он просит описать поконкретнее наши беседы. Я говорю, что это трудно. Тогда он, повышая интонацию, заявляет что-то вроде: "Как с Осиповым беседовать, так было легко. А как отвечать на допросе — так сразу стало трудно?" Я пытаюсь объяснить. Даю показания, что Осипов — христианин и я — христианин (опять ст.18!) и что, естественно, если мы беседовали о христианстве.

Вы верите в Бога? — он явно не верит ни в Бога, ни свидетелю. Пытаюсь достать и показать ему свой крестик.

— Но как же? Вы ведь физик, инженер?

И тут начинается острая дискуссия о связи науки и религии. Мы, перебивая друг друга, сыплем стандартные аргументы. Я, забывая все принципы, начинаю упоминать на допросе фамилии известных мне людей: Коперник, Ньютон, кажется еще Бруно и т.д. Минуты через две-три я опомнился и, меняя темп беседы, медленно говорю: "Мы с Вами очень интересно беседовали. Это прекрасная иллюстрация наших бесед с Осиповым. Но как это записать в протокол — я не знаю. Может быть Вы знаете?"

Он тоже не знал! Статья 18 восторжествовала вопреки на-

шим обоюдным усилиям. Но всегда ли так бывает? Больше следователь к этой теме не возвращался.

Вопрос о размножении и распространении журнала "Вече". Ответ (как он выглядит уже потом, в протоколе): Мне известно, что в журнале "Вече" обсуждались вопросы, связанные с русской культурой, христианством, будущим России. Я читал некоторые номера, не менее трех, точно помню, что читал №5 журнала. Ничего о конкретных действиях Осипова по размножению и распространению журнала "Вече" мне не известно, если не считать нескольких общеизвестных фактов, связанных с действиями властей по пресечению размножения и распространения журнала. От кого именно я получил те номера журнала, которые читал и кому затем передал — отказываюсь отвечать. Лично в деятельности журнала не участвовал."

Далее вопрос о статье Э.Фогелина "О Гегеле — исследование чародейства", которая была опубликована в "Вече" №5 и где указано, что перевод сделан А.Твердохлебовым. Я объяснил, что прекрасно знаю, как трудно издавать самиздатский журнал, сам издавал, что положение редактора и выбор им правильной позиции, особенно в условиях содержания под стражей, — фантастически затруднены и давать какие-либо показания, не зная позиции Осипова, не могу. Ну а то, что эта статья не имеет никакого отношения к клевете, так это совершенно очевидно.

— Но это Ваш перевод в журнале "Вече"?

— Я переводил такую статью Э.Фогелина. А тот ли перевод в журнале "Вече" — это уже вопрос другой и к уголовному делу отношения не имеет.

Затем в протоколе он решил чуть-чуть нажать на меня вопросом: "Что Вы можете сказать о причинах появления в журнале "Вече" №5 статьи Э.Фогелина "О Гегеле — исследование чародейства", где указано, что перевод сделан А.Твердохлебовым?"

В начале он сформулировал окончание вопроса так: "...перевод которой сделан Вами". Я попросил его быть более аккуратным в формулировке и он согласился.

Ответ: "Насколько я помню, в журнале "Вече" №5 статье Э.Фогелина предшествует пояснение редакции о причинах ее публикации. На вопросы, не было ли у меня договоренности с редак-

цией по поводу появления моей фамилии в журнале и какой характер носила эта договоренность — отвечать отказываюсь. Очевидно, что здесь нет предмета для уголовного дела о клеветнических измышлениях.”

”Знаком ли с Мельниковой С., Овчинниковым И.В., Хмелевым Е.Н., Хмелевой А.Н., Чердынцевым И.А.?”

Отвечаю, что считаю такие вопросы проявлением интереса непосредственно к моим знакомствам и потому отказываюсь отвечать. Эта же фраза и была в протокольном ответе после первого же вопроса о знакомствах. Еще вопросы и ответы о знакомствах:

Вопрос: ”Известен ли Вам Ланда Борис и не передавали ли Вы ему журнал ”Вече”?”

Ответ: ”Отказываюсь отвечать. Причины отказа сообщены выше.

Вопрос: ”Что Вам известно об участии в издании, размножении и распространении журнала ”Вече” лиц Мельниковой С., Овчинникова И.В., Хмелевой А.Н., Хмелева Е.И., Чердынцева И.А.?”

Ответ: ”Сведения, которые я могу сообщить в отношении этих лиц, являются косвенными и сомнительными свидетельствами об их участии в распространении и издании журнала ”Вече” — мне известно, что все эти лица допрашивались по делу о ”Вече”.

Он почему-то подтвердил мои показания (устно). ”Да, верно правильно все знаете, все они допрашивались.” А затем попросил изменить редакцию ответа. После тире в ответе было — ”именно, мне известно, ...”. Он просил тире убрать, ”именно” убрать, поставить в этом месте точку и дальше с большой буквы ”Мне известно”...”. Достигнутый компромисс зафиксирован в приведенном выше ответе.

Кажется, именно в этот момент допроса произошло странное событие, несколько разрядившее напряжение допроса. С ужасным грохотом взорвалась бутылка с пивом, стоявшая на полу в углу кабинета. С соответствующим ужасом я закричал тут же: ”Это не я!” и почему-то вспомнил, что вчера ночью в Москве в январе месяце была гроза. Чупров (трагическим шепотом, медленно выговаривая слова): ”Что это такое?”. Я подхожу к месту происшедшего, изучаю и сообщаю результаты исследования: ”Это пиво жигулевское. Странно, что бутылка

взорвалась. Пиво свежее, от 6 числа. Впрочем, — как всегда стараюсь быть точным в показаниях — может быть, это число прошлого месяца и, значит, прошлого года”.

Чупров: ”Откуда здесь взялось пиво?”

Я (успокаивая его): ”А у меня на допросах всегда что-нибудь такое происходит. Как-то раз пропал стакан из кабинета следователя. Был, я из него воду пил, и пропал начисто. Так что я уже привык. Это ничего.” Чупров успокоился: ”Ну, ладно. Убирать не будем. Пусть хозяину будет хуже” (Чупров — следователь приезжий и допрашивал меня в чужом кабинете). А, может быть, я ошибаюсь и взрыв произошел после обсуждения статьи ”О Гегеле — исследование чародейства” — не помню.

Опять уже поздно и опять следователь торопится. Вопросы об изъятых у меня документах он объединяет в один:

”Во время проведенных у Вас обысков 27 ноября и 23 декабря 1974 года были изъяты документы за подписью Осипова В.Н. Расскажите, когда и от кого Вы получили их?”

Ответ: ”Готов отвечать на подобные вопросы конкретно по каждому из указанных документов”. Следователю не хочется дробить вопрос и он дополняет свой предыдущий вопрос указанием двух конкретных документов. Мой ответ пропадает втуне — сам виноват, надо было подождать когда он занесет вопрос в протокол.

Отвечаю: ”Прошу меня ознакомить с этими документами”. Тут-то он и высказался о толчении воды в ступе, о котором упоминается в преамбуле этого текста. Знакомить меня с документами он не хочет и предлагает мне в качестве ответа формулировку: ”До ознакомления с этими документами отказываюсь отвечать”. Я согласился.

Были еще какие-то вопросы, но помню их плохо. Я себя неважно чувствовал. В заключение протокола мое дополнение: ”В дополнение, по поводу личности Осипова В.Н. сообщаю свое мнение, что его интеллектуальная активность в отношении проблем русской культуры ни в коем случае не должна быть предметом уголовного преследования.”

Протокол подписывается. Я выхожу на улицу Дзержинского.

* * *

Список приложений: Протокол обыска от 27-28 ноября.
Заявление об обыске 27-28 ноября.*
Заявление по поводу ареста В.Осипова.*
Протокол обыска 23 декабря.
Заявление Руденко от 26 декабря.*

*Опубликовано в "Хронике защиты" 12 – Ред.

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН

Азерников, Б. 14	Закарайас, Дж. 6	Мишиева 19
Альбрехт, В.Я. 5,6	Залмансон, В. 14	Мороз, В. 10
Антонюк, З. 25, 26	Залмансон, И. 14	Морс, М. 6
	Залмансон С. 14, 22	Мотт 24
Балахонов, В. 29	Зариский, О. 6	Мурженко, А. 14,20
Барабанов, Е. 13	Зеленин, А.С. 27	
Белый, А. 14		Навасардян 26, 21
Берс, Л. 6	Ильин, О.С. 13	Нашпиц, М. 28
Боннэр, Е.Г. 29		Некрасов, В. 28
Ботт, Р. 6	Картан, А. 6	Нортон 9
Брежнев, Л.И. 5	Кац, М. 6	Ньютон 47
Бруно Дж. 47	Ковалев С.А. 5-12	
Буковский, В. 10	Копелев, Л.З. 6	Овчинников, И.В. 49
Булгаков, М. 14	Коперник 47	Огурцов, И. 27,29
Бутман, Г. 14	Коренблит 14	Орлов, Ю. 28,35
	Корнилов, В. 5	Осипов, В. 28-29, 46-51
Вайскопф 6	Кудирка, С. 10	
Великанова, Т. 10	Кузнецов, Э. 14	Паулюс 24
Винс, Г. 28	Кытманов 26	Пидгородецкий 24,25
Войнович, В. 6		Пименов 26
Воронель, А. 30	Ланда, Б. 49	Пинхасов 14
Вудка 14	Ланда, М. 6	Плюш, Л.И. 28
	Левинсон, Н. 6	Подгорный, Н. 6
Галансков, Ю.Т. 10, 22	Левич, А. 30	Поляков 26,27
Гинзбург, А.И. 10, 29	Левич, В. 30	Пришляк 25,26
Гольдбергер, М. 6	Левич, Е. 30	Пронюк 26
Гольдштейны, И. и Г. 29	Липсон Л. 14-24	
Гольфанд, Ю. 9-12	Литвинов, П.М. 9,30	Редкозубов, Б.Г. 14
Горелова, А.Н. 25	Лунц, А. 6	Роговин, В.Г. 20,21
Григоренко, П.Г. 10	Любарский, Л. 14	Рубин, В. 6, 30
Грилюс 14		Руденко, М. 5,6
Губинский, А.Г. 14	Мазуров, 27	Руденко, Р. 20,21,51
	МакГил 30	
Давиденко 26	Маяров 20-22	Садовский 25
Даннэ, Э. 25	Мандельштам, Н.Я. 14	Сахаров, А.Д. 6-8, 29
Дершовиц 14	Мандельштам, О.Э. 13	Светличный, И. 29
Дымшиц, М. 14	Маресин, В. 9	Слепак, В. 6
Дяк М. 27	Маркман, 14	Смит, П. 6
	Марченко, А. 8-9	Снежневский 28
Есенин-Вольпин, А. 7	Матусевичюс, 26	Солженицын, А.И. 29
	Медведев, Р.А. 30	Соломина 26, 27
Житникова Т. 28	Мельникова, С. 49	Спенсер, Д. 6
	Менделевич, И. 14	Стэйн, Е. 6
	Мешенер, И. 14	
	Мешканис 24	

Сталин, И.В. 13	Шафаревич, И. 6, 28
Стукалин 8	Шахвердян, Б. 26
Суперфин, Г.Г. 13-14, 29	Шевчук 32, 35
	Шенкер 9
	Школьник, И. 14
Твердохлебов, А.Н. 5-8, 31-51	Эннелъс, М. 5
Тейлор, Т. 14, 20	
Траймэн, С. 6	Юриков 33-35
Турчин, В. 5-7	
Тэйт, Дж. 6	Ягман, Л. 14, 25, 26
	Ярунин 27
Уленбек, Г. 6	
Федотов, И. 29	
Фельдман, А. 23	
Фешбах, Г. 6	
Федоров 14, 20	
Фитч, В. 6	
Флетчер 14	
Фогелин, Э. 48	
Хандлер, Ф. 8	
Харитонов 36-46	
Хижняк 25	
Хмелев, Е.Н. 49	
Хмелева, А.Н. 49	
Ходорович, Т.С. 6, 10	
Хопфильд, Дж. 6	
Хупс 8	
Цветаева, М.И. 14	
Цитленок, Б. 28	
Цукерман, Б. 7	
Чайка 25	
Чалидзе, В.Н. 7-8	
Чамберлин, О. 6	
Чекалин 27	
Чердынцев, И.А. 49	
Черноглаз 14	
Чу Г. 6	
Чуковская, Л.К. 5	
Чупров 46-50	

ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ "ХРОНИКА ПРЕСС"

A. CAHAPOB

О ПИСЬМЕ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА "ВОЖЛЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА"

16 стр. 1974 г. Цена \$ 0.50, авиапочтой \$ 1. 00

В.ЧАЛИДЗЕ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

304 стр. 1974 г. Цена \$8.00, авиапочтой \$ 10.00

АНДРЕЙ ТВЕРДОХЛЕБОВ – В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

160 стр. 1975 г. Цена \$ 6. 00, авиапочтой \$7.00

Можно заказать

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

выпуски 28-31 в одной книге, 160 стр. \$5.00, авиапочтой \$ 6.00

выпуск 32 104 стр. \$ 4.00, авиапочтой \$ 5.00

выпуск 33 72 стр \$ 3.00, авиапочтой \$4.00

выпуск 34 96 стр. \$ 3.50, авиапочтой \$4.50

Готовится к печати:

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Выпуск 35 цена \$4.00, авиапочтой \$5.00

АРХИВ ХРОНИКИ, ВЫП. 1.

(Приложение к московской "Хронике текущих событий")

**СБОРНИК КОНВЕНЦИЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА,
ратифицированных Советским Союзом.**

Цена \$ 5. 00, авиапочтой \$ 6.00

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

Условия годовой подписки (6 выпусков)

Для организаций и библиотек \$ 20

Льготная для студентов и эмигрантов в Израиле \$ 10

Обычная \$ 15

За пересылку авиапочтой оплата дополнительно \$ 5

(Просьба указать, на какое издание, русское или английское,
делается подписка)

Можно заказать выпуски 1973 и 1974 г.г.

**KHRONIKA PRESS
505 EIGHTH AVENUE
NEW YORK, N.Y. 10018**

\$3.00